

Серия «ВОЙНА МИРОВ»
премии-медали им. Герберта Уэллса
и конвент «РосКон»
представляют автора

Юрий Тельман

Остров Хризантем

Война Миров

Юрий Гельман
Остров Хризантем

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гельман Ю. Е.

Остров Хризантем / Ю. Е. Гельман — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Война Миров)

ISBN 978-5-907350-32-8

Есть ли жизнь на других планетах, живут ли инопланетяне среди нас, какие они и что им нужно от землян? Главный герой фантастической повести «Остров Хризантем» Григорий неожиданно для себя стал тем избранным, кто получил ответы на эти вечные вопросы благодаря случайной находке – дневнику собственного прадеда, корабельного подлекаря. Читая о таинственных событиях позапрошлого века, Григорий в нашем столетии становится участником не менее таинственного приключения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-32-8

© Гельман Ю. Е., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Об авторе	6
Глава первая	8
1	8
2	12
Глава вторая	17
1	17
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Ефимович Гельман
Остров Хризантем
Повесть

© Ю. Гельман, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Об авторе

Юрий Ефимович Гельман родился в 1958 году в г. Николаеве, в Украине. Образование получил в Николаевском кораблестроительном институте по специальности «инженер-механик паровых и газовых турбин».

Литературным творчеством Юрий Ефимович начал заниматься еще в школьные годы. Писал стихи, позднее увлекся прозой. Давно и успешно участвует в различных литературных конкурсах в Интернете.

На литературном портале Международного Союза писателей «Новый современник» Юрий Гельман стал призером конкурса «Вся королевская рать – 2010» и победителем проекта «Пищуца Украина – 2010» в номинации «проза», а также победителем первого этапа конкурса «Вся королевская рать -2013» в номинации «фантастика, мистика».

В 2010 году Юрий Гельман стал лауреатом, а в 2012 году – третьим призером международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль».

Юрий Ефимович – обладатель дипломов «Серебряное перо Руси» и «Историческое наследие РОИПА» в проекте Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» 2012 года.

В конкурсах прозы, организованных литературным агентством «Новые писатели», в 2011, 2012 и 2013 годах Юрий Гельман стал лауреатом, а с 2014 года автор сам является постоянным членом жюри конкурса фантастики «Метафорическая деформация». По итогам конкурсов издательством DIXI Press изданы коллективные сборники: «Рассказы новых писателей», «Завтра обещали дождь», «И будут люди», «Звездная пыль», «Фотографии на память», «Дыхание», «Наваждение», «Призрак», «Песня».

С 2015 года Юрий Гельман является одним из авторов издательства «Литсовет», на сайте которого размещены два его фантастических романа и два сборника рассказов. В 2018 году вошел в число авторов памятного издания «Литературный фонд», а также экспортного издания «Русские сезоны» и альманаха NISERMI.

С 2016 года Юрий Гельман проживает в Израиле. Является кандидатом в члены Интернационального Союза писателей и резидентом Русского литературного центра.

Глава первая

Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь.

Г. Х. Андерсен

1

Утро выдалось пасмурным и серым. Настолько серым, будто сразу несколько октябрей сошлись в это утро вместе, чтобы испортить настроение южному городу и его жителям. И настолько пасмурным, будто сразу несколько затяжных дождей собралось теперь над ним в своем затяжном раздумье.

Казалось, что приближается конец света – не в смысле «конец бытия», а конец освещенности, что ли...

Так думал Гриша, уныло глядя в проем окна, где маячила голая тополиная ветка. Он давно проснулся, давно лежал на спине, подложив обе руки под голову, и давно хотел встать – физиологические процессы не остановишь. Но все никак не решался вскочить с постели, расстаться с теплым гнездом – единственным в нетопленной квартире.

Жуткое это было время – начало отопительного сезона в городе. И придумал же кто-то среднесуточную температуру плюс восемь градусов! Только в этом случае, видите ли, они пустят горячую воду в батарее отопления. А если всю осень будет плюс девять – что тогда, помирать от стужи в кирпичных или бетонных клетках?

Родителям хорошо – они в Египте. Не отдыхают, правда, – работают. Но все равно – там даже в январе плюс восемнадцать или двадцать. Жизнь!

– Козлы! – процедил Гриша сквозь зубы, адресуя свою реплику местным властям.

И все же поднялся – забегал, засуетился, натягивая спортивный костюм. Потом с наслаждением цедил чуть ли не пол-литровую чашку кофе, растягивая это удовольствие с помощью мелких глотков.

Телевизор тем временем что-то невнятно бормотал, пытаясь привлечь к себе внимание, но только в конце традиционной кофейной процедуры Гриша заметил, что идут новости. Потом, после невыносимо долгой рекламной паузы, вдруг началась передача про уфологию. Гриша как раз успел помыть посуду, спрятал в холодильник остатки масла. И собирался присесть на диван, чтобы посмотреть передачу, хотя и не ожидал услышать для себя что-то новое. Но внезапно его привлек вздыбленный тон оживленных голосов во дворе – прямо под его окнами. Что-то громко выясняли соседи – это было очевидно. До Гришиного уха долетели фразы о «всемирном потопе» и о том, что «... такого еще не было. Двадцать лет живу, а такого не было!»

Он хотел выйти на лоджию, чтобы понять, что происходит, но в коридоре раздался настойчивый «бим-бом» звонка. И тут же повторился снова, причем дважды.

– Так, – мелькнуло в голове Гриши, – воскресенье начинается весело!

Отперев дверь, к своему удивлению, Гриша никого на площадке этажа не увидел. Но не успел возмутиться чьей-то недоброй шутке, как услышал голос сверху. Это дядя Жора, местный активист и сплетник, а в прошлом тренер по какому-то нудному виду спорта, остановившись и свесившись через перила, сообщал:

– Здорово, сосед! Там это, в подвале магистральную трубу прорвало, наши сараи топят! Так что, пока не поздно, побеспокойся о своем барахлишке! Я вот хожу, всех предупреждаю.

Слово «магистральную» он произнес при этом с особым вкусом, будто перекатывая буквы на языке, как леденцы.

– Спасибо, – вяло ответил Гриша, захлопывая дверь. А про себя подумал, что начало выходного дня выдалось действительно забавным. И еще вдруг захотел вспомнить, каким все-таки видом спорта занимался дядя Жора: то ли греблей на каноэ, то ли стрельбой из лука – но вспомнить не смог.

У него, жителя квартиры номер сорок один, как и у каждого другого, жившего в этом пятиэтажном доме «хрущевской» постройки, в подвале имелся собственный сарайчик. Не бог весть каких размеров, конечно, однако сухой и чистый. Имелись деревянная дверь с номером квартиры белой краской, простенький навесной замочек – так, для честных людей. Впрочем, отец всегда подчеркивал, что воровства в их доме никогда не было. Он, собственно говоря, и следил за порядком в сарае, навешивал какие-то полочки, крючочки. Вдвоем с матерью они размещали там картошку на зиму, какую-то домашнюю консервацию, хранили ненужные вещи. Гриша никогда не интересовался этим помещением – так, пару раз помог отцу что-то там прибить или привинтить. Но теперь, после экстренного сообщения дяди Жоры, затаившиеся струны частного собственника вдруг звякнули в его душе. И он торопливо выдвинул ящик стола на кухне, где отец, по обыкновению, хранил ключи отовсюду: запасные от входной двери, от почтового ящика, от гаража, от этого сарая, наконец.

«Все – таки обидно будет, если там что-то пропадет! – подумал Гриша. – И потом, родители мне не простят бездействия, когда узнают». Впрочем, перебирая ключи и вспоминая, какой именно подходит к тому подвесному замочку, Гриша поймал себя на мысли, что даже не представляет, что может храниться за деревянной дверью и что ему необходимо там спасать.

И все же ровно через пять минут он уже спускался в подвал. Движение здесь было довольно активным – дядя Жора постарался, успев обойти три подъезда и направляясь теперь в четвертый.

Вода на полу действительно стояла примерно по щиколотку и, судя по далекому шуму, продолжала прибывать – как может прибывать вода в трюм корабля из пробоины в борту. Столкнувшись у входа с бабой Шурой из сорок пятой квартиры, тащившей на спине мешок с каким-то звенящим хламом, Гриша двинулся навстречу стихии. Благоразумно надев резиновые сапоги отца, он вовсе не боялся промочить ноги и теперь почти уверенно продвигался по лабиринту, расположенному под собственным домом. Сарайчик с номером «сорок один», как он помнил, находился за вторым поворотом и, кажется, третьим по счету от угла. Так оно и было.

В соседних кельях уже копошились люди, тихо и насупленно бормоча или ругаясь в голос. Никто ни на кого не смотрел, ни за кем не следил. Каждого занимала судьба собственных вещей.

Без труда отперев замочек, Гриша щелкнул выключателем, и помещение размером со школьный пенал осветилось тусклой лампочкой. «Да, – мелькнуло у Гриши в голове, – этих запасов хватило бы на полгода!» На полках, прикрепленных к стенам в несколько ярусов, плотными рядами располагались банки с консервацией – прошлогодней и позапрошлогодней. Родители постарались, зная, что предстоит длительная командировка. А мальчик ведь без витаминов может погибнуть! Разве не так? Теперь эти литровые банки с вареньями, соками и какими-то салатами, стоящие ровными рядами, были похожи на боеприпасы – такое сравнение пришло Грише в голову, и он улыбнулся, вспоминая теплые наставления матери перед отъездом.

Бегло осмотрев помещение, Гриша оценил обстановку. По сути, ничто банкам не угрожало. Не поднимется же уровень воды в подвале на метр от пола. Для этого аварийщикам нужно ехать на вызов через Одессу, а это крюк общей протяженностью в двести семьдесят километров, что, в принципе, они себе позволить не могут. Тогда и спасать здесь нечего – решил он и собрался уходить. Но внимание привлек невысокий столик, темневший в дальнем

углу. То ли это была станина от ножной швейной машины, то ли еще что-то. Понять было трудно. Впрочем, не это зацепило спасателя, а то, что стояло сверху. Чемодан – не чемодан, ящик – не ящик. Просто сундук какой-то – так вернее будет сказать.

Шагнув к сундуку, Гриша взялся за крышку, обильно припорошенную пылью, и поднял ее. С легким скрипом крышка поддалась. В наполовину наполненном сундуке лежали какие-то документы: старые альбомы фотографий, тонкие и толстые тетради, папки с бумагами, несколько книг.

«Забавно, – подумал Гриша. – Этого сундука я никогда не видел. Его-то, пожалуй, и надо вытащить на свет божий, иначе влага уничтожит все». Еще не до конца сознавая, правильно ли поступает, Гриша тем не менее нащупал по бокам две массивные ручки. Сундук оказался довольно тяжелым, но своя-то ноша, как известно, не тянет. Вон как баба Шура перла мешок – любо-дорого посмотреть было. А чем Гриша хуже? Тоже поперет, да еще и на второй этаж вынесет без чьей-либо помощи.

Так в конце концов и случилось. И еще через полчаса, умывшись и переодевшись, Гриша во второй раз отпер крышку сундука и заглянул внутрь.

* * *

«Здравствуй, сынок. Это папа. Ты молодец, что не поленился спуститься в подвал и посмотреть, что там и как. Документы, которые находятся в сундуке, скорее всего, не представляют собой какой-нибудь исторической ценности. Разве что имеют значение для нашей семьи. Так что потом можешь смело вернуть их на прежнее место. Как говорится, нести тяжело, а выбросить жалко. Впрочем, возможно, тебя заинтересует дневник маминого дедушки. Почитай – от этих записей веет соленым морским ветром и романтикой прошлых веков. Что это меня на лирику потянуло? Вот мама что-то хочет добавить. Гришенька, я обеспокоена тем, что ты совсем не кушаешь витамины. Как тебе не стыдно! Мы с отцом накрутили столько вкусностей, а ты... Учти, приближается зима, а в этот период организму всегда не хватает жизненной энергии. Так что мой тебе материнский наказ: до весны чтоб в сарае не осталось ни одной полной банки. Обещаешь? Ну хорошо. Целуем тебя, папа и мама».

* * *

– Ну вот, – вслух прокомментировал Гриша, – похвалили, поругали. Все как в нормальной семье.

Он выключил компьютер, вышел на лоджию. В небе посветлело. Где-то в матовой пелене пряталось еще теплое солнце.

Возле дома стояла аварийная машина Горводоканала. Рядом с ней – тележка с двумя баллонами – белым и голубым. От баллонов тянулись тонкие шланги, исчезали где-то в глубине подвального лабиринта.

«Сварку привезли, – подумал Гриша. – Значит, скоро сделают».

Он выкурил сигарету и вернулся в комнату – к сундуку. Тот стоял на полу посреди гостиной, темный такой, со своим застарелым запахом – как инородное тело в безупречно здоровом организме трехкомнатной профессорской квартиры. Поставив рядом низкую скамеечку из прихожей, Гриша присел на нее и вздохнул. Откровенно говоря, совсем не хотелось рыться в нутре этого старого ящика, из которого тянуло то ли гнильем, то ли плесенью. Но Гриша был историком. Не медиком, как родители, а историком – и простое человеческое любопытство давно превратилось в нем в профессиональный интерес.

Он занес руки над сундуком, и вдруг ему в голову пришло сравнение с собственным отцом – тот, начиная операцию, тоже, вероятно, сперва заносит руки над пациентом, а потом

лишь командует: «скальпель» или еще что-то. Сейчас в Каирском универе, на медфаке, лекции читает по хирургии. Ну и мама при нем – куда ж его одного отпускать, погибнет от сухомятки. Это сына можно самого оставить – не пропадет. Не только потому, что борщ умеет варить, но и потому, что Ритка у него есть. Ну, не то чтобы есть, а почти есть. Мама так и сказала перед отъездом: если захочет, пусть, мол, девушка у нас поживет. А что? Притретесь, сказала, друг к другу за год, а там видно будет. Но Ритка от предложения отказалась, вообще повела себя как-то странно. Он ведь, Гриша, от всей души предложил, без пошлостей, а она – наотрез. Ну, как знает. Поживем – увидим.

Это все вдруг в один миг пролетело в Гришиной голове. Он еще раз вздохнул и опустил руки на шершавые бумаги, плотно утопанные в сундуке.

2

21 марта 1887 г., 9 часов 35 минут

Погода сегодня стоит прекрасная, как для парусного продвижения по воде. Ветер умеренный, на небе ни облачка, довольно теплый воздух.

Вся команда «Витязя» работает слаженно и безупречно, как уже повелось за несколько месяцев нашего плавания. Чувствуется, что люди притерлись друг к другу, а порукой всеобщего понимания есть полное доверие и уважение к офицерам, в особенности к командиру корвета капитану 1-го ранга Степану Осиповичу Макарову.

Уникальный человек! Ведь он всего на шесть лет меня старше, а сколькими мудростями и знаниями обладает! Неудивительно, что практически все слушают его открыв рот, а поручения выполняют с усердием и старательностью. Не помню случая, чтобы кто-нибудь манкировал своими обязанностями.

Поначалу мне казалось, что доктор медицины и мой непосредственный начальник Франц Иванович Шидловский в силу своей занятости лекарской деятельностью станет всячески уклоняться от дополнительных обязанностей. Однако же как я ошибался! И ему нашлось дело от Макарова: управляться с ареометром. Помню, как Степан Осипович сказал однажды: «Вы, доктор, в своем арсенале немало всяких стеклянных трубочек, колбочек и прочих резервуаров имеете, будет вам в обязанности еще один – ареометр. Принцип действия прост и понятен, однако внимания и точности требует. Кому как не вам поручить?». И мой начальник даже с отменной охотой стал на протяжении плавания плотность воды Мирового океана измерять.

Я было вызвался тоже какое-то дело в дополнение к служебным обязанностям иметь, однако Степан Осипович в свойственной ему манере ответил: «А ваше, Иван Сергеевич, дело будет как раз в добром здравии всего экипажа заключаться. А ну как с кем-то хворь какая случится, станут лекаря спрашивать, а лекарь где – плотность воды меряет или скорость течения? Уж будьте любезны, у вас и без научной деятельности хлопот вполне много может быть. Экипажу-то почти четыре сотни человек! И уж постарайтесь, чтобы все при добром здравии служили. А уж коли сложность какая или случай неординарный, мы тут и Франца Ивановича спросим. Ну, согласны?».

Что мне было возразить? Так и пошло: поначалу то один матрос пожалуется, то другой, то третий. Кому от горла, кому от живота, кому от головы что-то назначить приходилось. А потом, как в теплые воды вошли, что ближе к экватору, как солнце припекать стало, да соленый ветер легкие наполнил, так и болеть перестали. Удивительно – но факт. Для наших людей, к туманному и морозному климату привычных, теплое море весьма целебным оказалось. Так что у меня лично через два месяца похода работы как таковой вообще не стало.

Вот я и занялся тем, что всюду нос стал совать. То к мичману Керберу пристану, чтобы устройство барометра объяснил, то к Шаховскому – чтобы позволил с чашечным анемометром повозиться. Каждые четыре часа, независимо от погоды и времени суток, измеряются у нас температура и удельный вес морской воды, промеряются глубины, исследуются морские течения, определяются и многие другие параметры. Некоторые наблюдения ведутся каждые пять или десять минут. Все при деле, практически весь экипаж. А мне как же в глаза другим смотреть? Вроде бы и при должности, да не занят ничем.

Но более всего мне хотелось с мичманом Костей Шульцем напарничать. Давно хотелось. Макаров ему как самому молодому и смелому поручил на корвете во время похода фотографией заведовать. Вот тот и ухитрялся и офицеров с мичманами за работой снимать, и матросов по всяким командам спящих, и в кают-компаниях, и на палубе. Всюду отчаяние имел Костя

залезть, закрепить сам да фотоаппарат с собой втащить, а потом такие порой снимки делал, что аж голова кружилась. Ну и помогал я ему иногда.

Несколько раз на себе взгляды командира корабля ловил, думал, что бранить меня станет. Однако Степан Осипович лишь в бороду свою улыбался да озорно подмигивал. Я уж было совсем осмелел, подумал, что негласно мне стало все разрешено, и снова ошибся.

Случилось одному матросу с реи сорваться да ногу сломать, а я в это время не в докторской каюте был, а совсем в противоположном месте корабля. Матроса на руках принесли, а подлекаря нету. Позвали, конечно, я стремглав помчался, шину наложил, из болевого шока беднягу вывел. А тут и Степан Осипович. «Ты, братец, учти, – говорит, – за тобой как ни за кем другим задержки быть не должно! Понял ли?»

Как не понять. И с тех пор жизнь моя на корабле сильно изменилась. Даже не знаю, как сказать: в лучшую ли, в худшую ли сторону. Как я уже говорил, с медицинской стороны работы было мало, так что слонялся я без дела и от скуки помирал. Если бы не чтение, так и с ума бы сошел совсем. А так в библиотеке корабля нашлось немало поучительных книг, вот я их по очереди и читаю теперь. Да еще потихоньку так, ненароком будто, стал ближе к Макарову находиться: где он бывает – там и меня ищи, куда он направится – туда и я следом.

По вечерам в кают-компании офицеры собираются, каждый что-то вспомнит, вместе посмеемся, погрустим иногда о днях минувших, о людях, славу российскому флоту добывавших. И все знают, что Степан Осипович обязательно что-то интересное, поучительное расскажет.

Вот я и стал после этих вечерних посиделок в дневник записывать высказывания его. Полагаю, наука сия не только мне, а и многим читателям полезной быть может, потому как поучительного в словах Макарова весьма много.

– А что вы там пишете все время, Иван Сергеевич? – спросил однажды Макаров. – Вам вроде бы вахтенного журналу вести нет необходимости.

– Так я просто свои наблюдения записываю, – отвечаю, а сам сробел, аж краской лицо залило. – Ваши слова, сказанные в поучение, свои соображения. Разное.

– А для чего?

– Пока не знаю, – говорю честно, – может, потом воспоминания напишу.

– А я так точно напишу! – воскликнул Макаров. – О походе нашем как есть подробно изложу по завершении его. Огромное количество научного материалу собрано будет, да и не только научного. Как же можно без публикации обойтись? А читатели непременно отыщутся. Для человека любознательного и одаренного все интересно и все достойно его познания. Изучение же окружающей моряка стихии не только не вредит военному назначению судов, но, напротив, пробуждая мысль, отрывает людей от рутины судовой жизни.

– Вы сумели так экипаж направить, что всякая невоенная деятельность, то бишь научная, ему не только полезна весьма, но и работается с большой охотой, а это, согласитесь, редкость большая.

– Просто я люблю море и свою работу, а экипаж, смею надеяться, любит меня.

– Это истинная правда, Степан Осипович!

– Что же касается исследований... Понимаете, Иван Сергеевич, океан – это, знаете ли, как женский характер, который весьма непросто распознать порой. Он скрыт, упрятан на неизведанную глубину, до которой не всякий еще добраться сможет. Так и глубины морей, а в особенности океанов, остаются как будто под покрывалом. И каждый раз, когда наблюдаешь спуск в бездну своего батометра для доставления воды, понимаешь: он делает отверстие в этом покрывале. Таких отверстий сделано еще очень немного. То, что видно сквозь эти отверстия, дает только легкое понятие о явлениях, происходящих в глубинах. И нужно еще много и много трудиться, пробивая в разных точках таинственное покрывало, чтобы верно определить общую

картину распределения температур и солености воды в разных слоях и сделать правильное заключение о циркуляции воды в морях и океанах.

– Мне представляется, что океан исследовать все же легче, чем женский характер, – осмелился вставить я.

– А знаете, Иван Сергеевич, – вдруг задумался Макаров, – мне кажется, я это сравнение не совсем удачно применил. Для красоты больше. Это все графу Льву Николаевичу Толстому более подвластно, нежели мне, сравнивать. Это он мастер в женских характерах копать. Мне вот Капитолина Николаевна, жена моя, преданно и нежно служит на протяжении уже шести с лишком лет. Ждет меня отовсюду безропотно, склонности мои разделяет. Сейчас вот Сашеньку лелеет, дочурку вторую нашу. Первую, Оленьку, Господь к себе прибрал...

– Да, я это знаю. Нелегко вам это пережить...

– Мне как раз гораздо легче, чем супруге моей. Понимаете сами – почему. Здесь я, с вами, на «Витязе», и дело у меня большое и сложное. А с делом любую невзгону жизненную преодолеть можно. Что же до женского характера, да и женских тайн вообще... Мужчины это все выдумали, неспособные женщину увлечь, для оправдания слабости своей.

Я не нашел что возразить, и наш разговор с Макаровым на этом в тот раз закончился.

22 марта 1887 г., 20 часов 45 минут

К вечеру погода резко изменилась. Корвет наш приближался к Ладронским островам, что полумесяцем растянулись на несколько сотен миль с юга на север, как бы опоясывая с востока Филиппинское море и отделяя его от Тихого океана.

Поднялся ветер, который постепенно еще усиливался, а на гребнях волн появились буруны.

– Быть шторму! – сказал капитан 2-го ранга Вирениус, стоя на мостике. – Не пройдет и полутора часов, как стихия накроет нас.

– Ничего, – ответил Макаров. – Мы в октябре на подходе к Лиссабону уже двенадцать баллов имели. Выдюжим!

Он сказал это, а мне вспомнилась фраза Степана Осиповича о том, что всякий корабль – это есть живой организм. И теперь, когда он произнес «мы», я понял: он говорил не только о команде, а о живом организме по имени «Витязь».

Тем временем ветер все крепчал. Была отдана команда зарифить грот, потом и все остальные паруса. Несмотря на то что корвет представлял собой теперь некий полуголый скелет с торчащими в лохмотьях собранных парусов фоком и гротом, с сиротливо рыскающим впереди бушпритом, его кидало из стороны в сторону как щепу.

Сейчас, когда шторм уже миновал и все опасения мои касательно благополучного преодоления стихии давно позади, могу с откровенностью сказать, что испугался я не на шутку. Даже в прошлом году у берегов Португалии было как-то не так боязно мне. Понимаю, что тогда все для меня, молодого лекаря, впервые участвовавшего в кругосветном походе, было внове, неиспытанным и, смею заявить – даже любопытным. Теперь же, после нескольких месяцев плавания, когда я могу уже что-то с чем-то сравнивать, этот новый и весьма сильный шторм изрядно потрепал не только наш корвет, но и мою нервную систему, как и многих, окружающих меня на корабле, – тоже.

Корабль наш, юный, свежий, только построенный, стонал и кряхтел, как древний старец, но еще сильнее стонал и завывал в снастях ветер. Он свистел диким посвистом с такой злобной свирепостью, что мне казалось: еще мгновение, и такелаж станет рваться и стремительно улетать прочь, как осенняя паутина.

Беспреданно хлестал сильный дождь. Все, кто в это время работал на палубе, давно вымокли до самого нутра. К тому же громадные волны то вздымались выше грот-рея, с жуткой, хищной сноровкой нависая над корветом и обрушивая на него тонны кипящей воды, то падали

в бездну, выталкивая на свои могучие гребни несчастный, беспомощный корабль с оголявшимися в такие мгновения килем и винтом.

За горизонт падало солнце. Его практически не было видно, только иногда пробивали грязно-изумрудную толщу воды бронзовые стрелы, оживляли темную бездну, озаряли смертельную пучину да придавали вздыбленным волнам какой-то торжественной, дьявольской красоты. Так мне самому казалось в те жуткие минуты, когда я стоял на палубе, вцепившись обеими руками в бугели фок-мачты. Я понимал, что во время шторма пользы от меня на корабле никакой, а сидеть в каюте и с ужасом вслушиваться в стенания несчастного «Витязя» было тоже выше моих сил. Поэтому я выбрал себе место, где мое присутствие, как я полагал, не будет никому помехой, и молча наблюдал за развитием событий.

И лишь спустя четверть часа, когда дикий вой стихии достиг, казалось, своего максимума, я вдруг заметил, что вовсе не солнце пробивало своими лучами темные и смертельно опасные толщи вод. Это были гигантские молнии, ломаными, корявыми, ослепительно-белыми стволами рассекавшие обезумевшее небо и стремительно падавшие в ревущий океан. Вода под их ударами в одно мгновение вскипала, бесилась, озаренная вспышками невероятной яркости, и снова тускнела, потом чернела до кромешности, будто показывая всем не только свою непреодолимую силу, но и тщетность всякой борьбы и сопротивления.

Однако молодцом, как всегда, держался наш командир, постоянно стоявший на капитанском мостике, а экипаж действовал настолько слаженно, что очень скоро у меня стала зреть уверенность: все и на сей раз обойдется.

Шторм, постепенно набрав огромную силу, бушевал около двух часов, а прекратился как-то неожиданно быстро, почти внезапно, с какой-то необычной природной странностью. Мы будто преодолели некую границу, будто прорвались через невидимую стену в тихую и спокойную гавань, которая шелковой гладью вод встретила наш изрядно потрепанный, многократно раненный, но гордый корабль.

Удивительная метаморфоза, что с нами произошла, несколько озадачивала опытных моряков, в том числе капитана Макарова. Я же воспринял случившееся как подарок свыше за все те мучительные минуты и часы нашей нешуточной борьбы со стихией.

– Странное явление, вы не находите, Андрей Андреевич? – спросил Макаров старшего офицера Вирениуса.

Оба стояли на палубе в насквозь мокрых кителях, без головных уборов. С бороды Степана Осиповича стекали струйки воды. Вирениус же – высокий, стройный, подтянутый, с растрепанными русыми волосами, обычно зачесанными назад, а теперь прилипшими ко лбу, – ответил спокойным, как всегда, сдержанным голосом:

– Я о подобном читал когда-то, Степан Осипович. Сам же вижу впервые, как и вы тоже. Мало ли что в природе бывает.

– Непременно опишу сей феномен, – задумчиво сказал Макаров. – Здесь над этим явлением крепко поразмышлять придется. Что оно такое? Как понять?

– Надобно подпоручику Розанову в журнал наблюдений эту странность записать, – ответил Вирениус.

– Вы полагаете, он сам не догадается?

– Догадается.

– Посмотрим.

...Вскоре Макаров приказал поднять грот, парус какое-то время грузно висел, как мертвый, нехотя выправляясь. С четверть часа он тяжело полоскался на ветру, постепенно высыхая и надуваясь, и вскоре корвет весело заскользил вперед. Еще через какое-то время прямо по курсу показалась земля.

– Штурман, дайте координаты по месту! – скомандовал Макаров, пристально вглядываясь в темнеющий горизонт.

– Семнадцать градусов тридцать три минуты северной широты и сто сорок пять градусов пятьдесят пять минут восточной долготы, – доложил старший штурман Розанов через минуту. – Это, похоже, остров Аламаган.

– Что ж, – сказал Макаров, – это и к лучшему. Подойдем ближе, отыщем возможность встать на якорь с подветренной стороны, там и заночуем. А завтра с утра и остров обследуем, и кораблю надлежащий ремонт дадим.

Глава вторая

1

«Ну вы, конечно, молодцы! Спрятать в подвал – в эту, можно сказать, могилу – дневник прадеда! Это кто ж такое придумал, а? Я вас спрашиваю, дорогие родители. И почему это, папочка, ты решил, что, возможно, мне это будет интересно? Мне это не просто интересно, а – как говорил в свое время Ленин – архиинтересно! Ну вы, честно говоря, даете! Ладно, все. Поругал вас – в кои-то веки было за что. Насчет консервации: мамочка, прости, постараюсь не забывать. Все, целую, ваш Гриша».

Он откинулся на спинку стула, бегло прочитал написанное, потом привычным движением правой руки нажал клавишу Enter, и письмо отправилось в Египет.

Вечерело. Скупое октябрьское солнце давно выдохлось, суетливо скатившись за горизонт. На застекленной лоджии было довольно тепло, даже уютно. Это если закрыть все стороны занавесками и включить бра над старым креслом. Маленькая комнатка получалась, со своим особенным запахом, со своей душой. Еще несколько лет назад Гриша устроил себе такой уголок – для ночного чтения, как объяснял он сам, или для мечтаний, как сетовала мама. Она вообще была довольно прагматичным человеком, с недоразвитым чувством собственности, потому что не собиралась удерживать своего единственного сына подле себя, а, напротив, регулярно «пилила» его темой женитьбы. Гриша слушал и улыбался. Тогда мама повышала тон, и сын смущенно отворачивался.

У него была Рита. Она как-то сразу понравилась маме, потенциальной свекрови, что, по статистике, являлось большой редкостью. Была у Гриши в доме всего раз – и понравилась. Гриша встречался с девушкой уже три месяца – срок вполне достаточный для проверки чувств. Впрочем, что значит «встречался»? Виделся чаще, чем с другими своими знакомыми, – так будет сказать правильнее. В основном у нее на работе, куда Гриша иногда заходил по своим делам, а после знакомства с Ритой заходил уже и просто так.

Но его что-то все время удерживало от решительных предложений, а Рита никогда не настаивала. Она была спокойной, даже как-то излишне спокойной, чуть ли не человеком без эмоций. Он приглашал ее в кино – она пожимала плечами в знак согласия, он предлагал посидеть в кафе – она не отказывалась, вот только к нему домой прийти решила лишь однажды. И к себе, что вполне естественно, не приглашала. Даже запрещала себя провожать. Гриша не понимал, с чем это было связано, а Рита не хотела объяснять. «Когда-нибудь я расскажу», – говорила она, и он просто ждал этого «когда-нибудь».

Как-то несовременно все выглядело, старомодно: у них до сих пор не было близости, и это оставалось единственным белым пятном в отношениях молодых людей. Рита была приятной девушкой: симпатичной, начитанной, чаще – серьезной, иногда – смешливой, и Гриша чувствовал себя с ней хорошо и комфортно. Как и она – с ним. А близость... Абсолютно устаревшее положение: «А разве это главное?» – как-то засело в Гришином сознании и вовсе не мешало жить. Всему свое время, думал он и, наверное, был прав.

У Риты были прямые черные волосы до плеч, как у жен египетских фараонов на фресках, большие сливовидные темно-карие глаза с таинственной поволокой, слегка вздернутый нос и выразительные, чувственные губы. И еще – легкая, пропорциональная фигура и грациозная походка. Она вообще напоминала женщину прошлого, может быть, далекого прошлого. Она была привлекательна настолько, что мужчины непременно обращали на девушку внимание, но далеко не каждый решался с ней заговорить. Как-то так складывалось. Какое-то расстояние

назначал ее взгляд для каждого, какую-то дистанцию указывал. Но Гриша однажды решился. И преодолел. И она ответила, будто впустила его к себе.

Он пришел в Центральную городскую библиотеку за какой-то надобностью, а там, в читальном зале, – она. Нет, не сидит, согнувшись, за столом, осторожно шелестя перевернутыми страницами. Не пишет что-то торопливо в своей тетради или бегло касается клавиш ноутбука. Она там работает. Выдает и принимает назад заказанные книги из хранилища. Тихо и скромно, не повышая голоса. Так и завязалось у них...

...Совсем стемнело. За пределами балкона устоялась густая осенняя синева позднего вечера. С неослабевающим вниманием, даже с каким-то азартом Гриша читал дневник прадеда. Как увлекательную историческую повесть. Как хорошо закрученный детектив. Каждое событие имело здесь свои широту и долготу. Каждый персонаж – свои портрет и характеристику. Картины столетней давности, описанные корабельным подлекарем, были живыми и правдивыми, от них веяло романтикой кругосветного похода, тяжелым, порой героическим трудом экипажа и глубокой философией выдающегося адмирала-земляка.

«Нет, это просто необходимо как-то издать! – сказал сам себе Гриша. – Нужно будет показать кому-нибудь из местных».

Он отложил толстую тетрадь в желтой кожаной обложке, достал сигарету из пачки. Потом закурил и выключил бра. Через несколько минут, когда глаза привыкли к темноте, Гриша стал различать в небе знакомые огоньки. Он давно любил их, знал все созвездия и множество звезд по именам. Для историка по образованию, работающего в областной газете редактором, астрономия была как хобби, как отдушина от рутинной, порой жестокой повседневности. Прочитав однажды в детстве книгу Перельмана «Занимательная астрономия», Гриша заболел звездным небом навсегда. И, надо сказать, эта любовь оказалась взаимной. Каким образом? Все очень просто: Гриша писал стихи, а небо диктовало ему темы и образы. Так он говорил всем, кто спрашивал, так он объяснял Рите.

А надо мною пел последний дрозд,
а надо мной сияло восемь звезд,
и я стоял среди полночной выси,
и мир вокруг – до удивленья прост.

А надо мной – бряцанье чьих-то ножен.
Предел всему не мною был положен.
И вот стою среди полночной выси,
и мир вокруг – до исступленья сложен.

Отчаявшись рискнуть не напоказ,
я ухожу от губ твоих и глаз.
И вот стою среди полночной выси
и жду рассвета – как в последний раз...

– Как тебе удается писать такие стихи? – спросила однажды Рита вкрадчиво.

– Не знаю, – ответил он и понял по ее взгляду, что она не удовлетворилась ответом.

– Я не понимаю, как происходит творчество, – сказала она и была искренна.

– Творческий процесс непредсказуем, он не поддается описанию, поскольку находится за гранью общепринятых схем, за гранью логики. Я не могу его объяснить. Как не могу объяснить любовь... И никто еще никогда не смог...

2

23 марта 1887 г., 9 часов 30 минут

Остров, у подветренной стороны которого мы встали на якорь, оказался довольно приличных размеров. Он имел форму, схожую с половиной луны, в длину занимая метров девятьсот, а в ширину – примерно вдвое меньше. Высота его над поверхностью океана не превышала двадцати метров, причем самая высокая точка представляла собой вершину холма, расположенного как раз посередине этого, по сути, клочка суши.

Растительности на острове было немного, в основном какой-то кустарник в пояс высотой, трава двух или трех видов да отдельно стоящие или собравшиеся небольшими группами пальмы. По склону холма змеился тонкий, стремительный ручей. Его хорошо было видно с корабля невооруженным глазом. Это обстоятельство обрадовало нас: можно было пополнить запасы пресной воды.

Как только рассвело, Макаров вышел на капитанский мостик и приложил к глазу подзорную трубу. Несколько минут он пристально изучал берег, до которого было не более двух кабельтовых. Всматривался и даже будто внюхивался в него. Потом подозвал к себе штурмана Розанова.

– А что, господин подпоручик, вы координаты точно дали? – спросил Степан Осипович своим негромким, бархатистым голосом.

Я стоял тут же и по интонации Макарова догадался, что ему что-то в сложившейся ситуации не нравится.

Штурман – невысокий, худощавый офицер с большой головой и бегающими глазами – замешкался с ответом, потом сказал, как бы извиняясь:

– Я и сам, господин капитан первого ранга, на это обратил внимание. По карте этот остров на несколько минут на норд и на вест должен быть.

– К тому же населен, – добавил Макаров задумчиво. – А здесь я что-то признаков жизни не наблюдаю...

– Может, поселок какой-нибудь с противоположной стороны находится? – предположил Вирениус. – Мы ночью подходили, не видно было.

– И огней никаких не было, – добавил Макаров. – А должны бы быть... Хоть один костерок, но светился бы... Как думаете, Андрей Андреевич?

– Да, странно как-то, – согласился Вирениус.

– Штурман, это не Аламаган! – заключил Макаров. – Я не думаю, что наша карта может быть неправильной.

– Всякое бывает, – сказал Вирениус.

– Это ты, Андрей Андреевич, своему сынишке Коленьке потом, после похода, рассказывать станешь про то, что всяко бывает, – с мягкой иронией ответил Макаров. – Мы, заметь, не в пятнадцатом столетии живем, а на пороге двадцатого. И все земли, вплоть до самых малых клочков суши, из вод океана выдающихся, давно на карты нанесены и проверены многократно.

– Так что же тогда это перед нами? – вырвалось у меня.

– А вот это мы и должны теперь проверить, – сказал Макаров, разводя руками.

И он тут же распорядился спустить на воду шлюпку.

– Старшим пойдешь, – сказал капитан Вирениусу. – Десять матросов с собой возьми, оружие. Однако применять, в случае чего, лишь по крайней необходимости. Мы сюда прибыли с людьми знакомиться, а не убивать их.

– Господин капитан первого ранга! – воскликнул я. – Разрешите и мне тоже к острову пойти. Вдруг моя помощь кому понадобится.

Степан Осипович посмотрел на меня своим особым, пристальным взглядом, потом кивнул головой в знак согласия и снова приложил к глазу подзорную трубу.

23 марта 1887 г., 19 часов 25 минут

Этот невероятный день подошел к концу. Я возвратился на корабль и вернулся к дневнику. Боюсь, что целого вечера не хватит, чтобы описать события этого дня. Начну по порядку.

Через полчаса приготовлений наша шлюпка отошла от «Витязя» и направилась к неизвестному острову. Погода стояла изумительно приятная. Ветра почти не было, солнце пригревало мягко и ласково, вода в океане голубела и была настолько прозрачной, что в нескольких метрах глубины видны были стайки разнообразных рыбешек: серебристых, в полосочку, темноголовых. И все они из любопытства сопровождали нас.

Матросы гребли старательно и слаженно, так что уже через несколько минут форштевень врезался в мягкий и податливый песок. Несколько человек прыгнули в воду, ухватились за носовой фал, потянули лодку по мелководью. Потом и остальные матросы присоединились и общими усилиями вытащили шлюпку на берег. После этого сошли я и Вирениус. У меня с собой был саквояж с медикаментами, бинтами и прочими медицинскими принадлежностями. У Андрея Андреевича в руках тоже был саквояж, в который кроме подзорной трубы он укладывал накануне всякие побрякушки в качестве подарков местному населению: бусы, гребни для волос, вееры, цветные лоскуты ткани, несколько маленьких зеркалец.

Ступив на берег, я вдруг ощутил, как земля плывет у меня под ногами. Шутка ли, последний раз я покидал корабль еще двадцатого ноября прошлого года, когда «Витязь» стоял на якоре в гавани Рио-де-Жанейро. Это ощущение собственной неустойчивости заметно мешало мне двигаться и бросалось в глаза матросам, давно привычным к таким состояниям.

– Ничего, Иван Сергеевич, – заметив мои неуверенные шаги, подбодрил Вирениус, – через пару часов вы обо всем забудете. Обычно столько времени новичкам и надобно, чтобы после морской качки к суше привыкнуть.

– Благодарю за подаренную надежду, – вяло ответил я. – Однако же смею заметить, что все-таки со странностью устроен человеческий организм. Постараюсь сие явление потом описать, со всеми ощущениями.

– Что и о чем писать – это ваше дело и ваше право, – ответил Вирениус. – А пока давайте определимся с направлением нашего движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.